

М.О. Меньшиков

Критические очерки

Том II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М11 **М.О. Меньшиков**
Критические очерки: Том II / М.О. Меньшиков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 522 с.

ISBN 978-5-518-06797-4

Красивый цинизм. -Вожди народные. -Слово о мужчинах. -Три стихии. - Клевета обожания. -Прикрытый грех. -Прогресс и предание. -Критическое декадентство. -Перевал. -Нашествие дикарей. -Заметки о языке. -Тридцатый том. -Покровительство музам. -Кончина века. -Роль читателя. -Литературные характеристики.

ISBN 978-5-518-06797-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

что г. Горькій вышелъ «изъ босяковъ», что онъ и по рожденію, и по образованію — «самородокъ», долгіе годы валявшійся въ грязи, чловѣкъ, самолично пережившій всѣ ужасы нищеты, безработицы, бродяжничества, грубаго труда и грубой праздности простонародья. Самъ г. Горькій объ этомъ говоритъ во многихъ своихъ разсказахъ, и даже въ особой автобіографіи, напечатанной въ одномъ журналѣ. Чѣмъ-чѣмъ ему не приходилось быть въ жизни! Внуку красильщика, сыну обойщика, г. Горькій еще девятилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ ученіе къ сапожнику. Бѣжалъ отъ него и поступилъ къ чертежнику. Бѣжалъ отъ него и поступилъ къ богомазу. Затѣмъ очутился поваренкомъ на пароходѣ. Потомъ работалъ у садовника. Потомъ былъ пекаремъ, пекъ крендели за жалованье въ 3 р. въ мѣсяцъ. Торговалъ яблоками. Пилилъ дрова. Таскалъ грузы... Послѣ неудачнаго покушенія на самоубійство — былъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ. Продавалъ квасъ баварскій. Былъ писцомъ. Работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и пр. и пр. Какой разнообразный и пестрый «курсъ самообразованія»! Сколько впечатлѣній острыхъ, подчасъ трагическихъ! Подобно Гаршину, который дѣйствительно былъ солдатомъ и дѣйствительно лежалъ раненымъ среди разлагающихся труповъ, на полѣ битвы,—г. Горькій былъ на самомъ дѣлѣ бродягой, на самомъ дѣлѣ израненъ тысячами язвъ великаго поля жизни... Этотъ необыкновенный жизненный опытъ страшно всѣхъ заинтересовалъ. Такіе люди, какъ путешественники, ѣдущіе изъ неизвѣстныхъ странъ, встрѣчаются въ обществѣ съ жаднымъ вниманіемъ; они уже знамениты до появленія своего на кафедрѣ. Въдѣ міръ отверженныхъ всегда чужой намъ міръ. Мы, счастливые, тщательно сторонимся отъ него и можемъ прожить десятки лѣтъ въ среднихъ этажахъ своего дома, десятки разъ съѣздить въ Италію, Египетъ, Шотландію, Норвегію—ни разу не спустившись въ подвалъ, не заглянувъ въ сосѣдній ночлежный домъ и тому подобныя «трушобы»

Темный, огромный, страшный міръ, изъ котораго на нашихъ бульварахъ лишь изрѣдка показываются выходцы, одѣтые въ рубище, съ багровыми синяками или блѣдными, землистыми лицами. Они протягиваютъ руки и мы спѣшимъ какою-нибудь мелкою монетою поскорѣе оттолкнуть отъ себя гноящагося Лазаря...

Представьте-же себѣ изумленіе всѣхъ такъ называемыхъ «порядочныхъ людей», «людей изъ общества», когда смердящій Лазарь вдругъ начинаетъ говорить съ ними мужественно, языкомъ не только образованнаго человѣка, но языкомъ поэта! Уличный бродяга—и вмѣсто униженной мольбы—гордые и гнѣвные укоры, трагическая исповѣдь за себя и за безчисленный классъ несчастныхъ. Это явленіе болѣе чѣмъ литературное, оно поразило публику не литературною своею стороною. Нижегородскій мѣщанинъ Пѣшковъ, цеховой малярнаго цеха, заговорилъ въ журналахъ, «какъ власть имѣющій», заговорилъ съ художественною увлекательностью, раскрывая съ страшной откровенностью скандальную сторону нашей общественности. Вѣдь съ обычной, буржуазной точки зрѣнія сословіе босяковъ это сплошной скандалъ, это какъ-бы присяжные нарушители общественной тишины и порядка. И вотъ, является писатель, который вводитъ съ собою въ приличныя гостиныя цѣлое полчище этихъ скандалистовъ, заставляетъ ихъ показать публикѣ свое рубище и синяки, показать пьяныя оргіи, драки, воровство, убійство, распутство, свое душевное ожесточеніе, алкоголическій бредъ. Является писатель и рассказываетъ, какъ онъ однажды осенью, безъ квартиры и куска хлѣба, «выбивалъ зубами трели въ честь голода и холода», какъ въ тщетныхъ поискахъ съѣстнаго, въ окрестностяхъ города, нашелъ голодную проститутку, подкапывавшуюся подъ одну лавченку, чтобы украсть хлѣба,— рассказываетъ, какъ онъ помогаль ей воровать, какъ сломаль замокъ, какъ они, поѣвши хлѣба, спрятались подъ дырявой опрокинутой лодкой, подъ дождемъ и осеннимъ

вѣтромъ, и какъ эта избитая любовникомъ проститутка отогрѣвала нашего мерзнущаго автора своими объятіями, своимъ теплымъ сердцемъ... Разсказываетъ, какъ втроемъ съ какими-то бродягами онъ умиралъ отъ голода въ крымской степи, какъ они ночью напали на встрѣчнаго больного рабочаго и отняли у него хлѣбъ, какъ одинъ изъ его товарищей задушилъ рабочаго, ограбилъ и убѣжалъ... Разсказываетъ, какъ онъ пѣшкомъ брелъ отъ Одессы до Тифлиса, вдвоемъ съ грузинскимъ княземъ, питаюсь подаяніемъ, среди тысячи самыхъ рискованныхъ приключеній, среди пустынь и грозъ. Разсказываетъ, какъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ ночевалъ осенней ночью подъ амбарами, среди воровъ, сутенеровъ, неисправимыхъ пьяницъ, широкихъ натуръ разбойничьяго склада. Разсказываетъ, какъ тайный палачъ при публичныхъ домахъ истязаетъ дѣвицъ, сѣчетъ ихъ голыми на снѣгу, какъ онѣ извиваются у его ногъ... Заставляетъ своихъ героевъ разсказывать цѣлыя поэмы преступной и грязной жизни, которая вся—протестъ, вся—ненависть противъ общества, вся—предсмертный стонъ... Этотъ внезапно явившійся художникъ «малярнаго цеха» развертываетъ передъ воспитанными людьми въ лицѣ своихъ героевъ циническую философію,—и мало того—циническую поэзію, нѣкое горькое очарованье, противиться которому не легко...

III.

Можете себѣ представить, какой—послѣ нѣкотораго отцѣпенія — неописуемый скандалъ почувствовался въ нашемъ благополучномъ обществѣ, въ нашей выметенной и прибранной литературѣ! Уже одного этого скандала было - бы достаточно для самой оглушительной славы. Но были и другія важныя причины, способствовавшія извѣстности г. Горькаго. Хотя «мужикъ сиволапый»—нерѣдкій гость въ журналахъ, но послѣднія 15—20 лѣтъ

его уже не пускали дальше людской; Акулины и Софроны давно смѣнились княжнами Кэтъ и баронами Коко, чистенькими, блестящими, какъ новенькія куклы. Мы почти уже отвыкли отъ грязныхъ двуногихъ, мы уже почти повѣрили, что родъ человѣческой выдѣлывается изъ фарфора и папье-маше, и вдругъ является г. Горькій съ своимъ ужаснымъ человѣческимъ товаромъ, и вдобавокъ—*живымъ*...

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ г. Горькій былъ-бы, мнѣ кажется, невозможенъ. Тогда его, можетъ быть, задержали-бы на литературныхъ заставахъ, въ редакціяхъ; тогда, можетъ быть, онъ и самъ описывалъ-бы міръ не босяковъ, а графовъ и бароновъ. Мода, какъ извѣстно, тиранъ. Но теперь, въ послѣднія лѣтъ пять-шесть, г. Горькій пришелъ какъ разъ во-время, и это тоже одна изъ тайнъ его шумной славы. Онъ пришелъ вмѣстѣ съ новою умственною волною въ русскомъ обществѣ, въ разгаръ ожесточенныхъ битвъ народниковъ и марксистовъ, въ разгаръ обостреннаго вниманія именно къ пролетариату. Обоимъ лагерямъ, и народникамъ и марксистамъ, самъ Богъ послалъ г. Горькаго: оба лагеря берутъ его на расхватъ. За него-же въ послѣднее время ухватился и третій лагерь, представляемый «Гражданиномъ» и «Московскими Вѣдомостями». Всѣмъ памятно, до какихъ забавныхъ преувеличеній въ похвалахъ г. Горькому дошла марксистская критика. Долго не разсуждая, нашъ авторъ былъ вознесенъ ею превыше первостепенныхъ талантовъ, провозглашенъ вождемъ эпохи. Можетъ быть, тутъ былъ кое-какой журнальный расчетъ, а можетъ быть и обычная наша искренность, похожая на истерію. Но марксистамъ не грѣхъ было сказать лишнее о своемъ сотрудникѣ, если вотъ что писали о г. Горькомъ въ «Гражданинѣ»:

«М. Горькій является единственнымъ и неузнаннымъ пока на Руси, въ образѣ художника, *апостоломъ челоѣколюбія*, и это его возвышенное призваніе, конечно, вмѣнитса ему рано или поздно въ заслугу, какъ великаго

двигателя русского духовного прозрѣнія и оздоровленія... Для такого подвижника писательства, какъ М. Горькій, недостаетъ подобающаго скульптора-критика, который, увѣнчавъ его чело лаврами, поставилъ бы его всенародно на подобающемъ пьедесталѣ, создавъ заживо достойный памятникъ ему, сильному и свѣтлому русскому работнику изящной словесности». Вотъ какъ въ *княжескомъ* органѣ отзывается нѣкій *графъ* о «цеховомъ малярнаго цеха».

IV.

Можетъ быть, въ похвалахъ г. Горькому со стороны феодальной печати есть доля коварства, но несомнѣнно то, что и эта печать можетъ извлечь изъ нашего автора большія выгоды. Для всѣхъ лагерей, какъ правдивый художникъ, г. Горькій служить иллюстраторомъ ихъ теорій; онъ всѣмъ нуженъ, всѣ зовутъ его въ свидѣтели, какъ человѣка, видѣвшаго предметъ спора—народъ, и всѣ ступени его упадка. Народники, которые, кажется, первые открыли въ Нижнемъ этого писателя-босняка, говорятъ:—Поглядите, какъ капиталистическій режимъ уродуетъ жизнь народную! Поглядите, во что превращается свѣжій сынъ земли, оторванный отъ родной почвы! Вчера еще пахарь и хозяинъ на землѣ, орошенной потомъ его предковъ, — сегодня бродяга, не имѣющій ни кола, ни двора, потерявшій даже потребность имѣть ихъ. Вчера еще человѣкъ крѣпко сплоченнаго общества, вся жизнь котораго управлялась нравственнымъ началомъ взаимопомощи,—сегодня онъ уже внѣ общества и закона, хищникъ, непринадлежащій ни къ какой организаци и во все вносящій только разрушенье. Вчера мужикъ обладалъ, при всей бѣдности, душевнымъ равновѣсіемъ, какое даетъ всякая культура, сегодня онъ — при всемъ случайномъ богатствѣ—одержимъ страшной злобой. Вчера—и душевно, и тѣлесно человѣкъ здоровый, сегодня въ образѣ бродяги онъ и душевно, и тѣлесно больной; онъ одержимъ по-

роками и психозами, онъ истощенъ и расшатанъ во всемъ организмѣ. Вотъ къ чему ведетъ оторванность человѣка отъ земли, отъ родного деревенскаго союза, отъ условий, слагавшихся втеченіе тысячелѣтій. Капитализмъ разбиваетъ самые дорогіе устои гражданственности и роняетъ культурнаго человѣка на ступень ниже кочевого періода, на ступень бродячихъ хищниковъ. Эти хищники — явное разложеніе народное; они множатся, пока еще осталась деревенская масса, но исчезнетъ здоровый народный слой, и хищники пожрутъ другъ друга. Пора взглянуть въ глаза этому ужасу! Спасибо г. Горькому: онъ еще разъ имѣлъ мужество обнажить народныя язвы, освѣтитъ пропасть, куда толкаетъ Россію безжалостный процессъ капитализаціи народнаго труда..

Таково, мнѣ кажется, отношеніе народниковъ къ г. Горькому. Но не успѣли они оглянуться, какъ нашимъ авторомъ завладѣла молодая партія—марксисты. Съ энергіей, свойственной молодости, они пустили этотъ свалившійся къ нимъ крупный капиталъ въ очень быстрый оборотъ. Они прикрѣпили нищаго писателя къ журналу и закричали о немъ на весь свѣтъ, съ трубами и литаврами провозгласили его геніемъ, первымъ писателемъ современности, затмившимъ не только г. Короленку и Чехова, но превзошедшимъ Гоголя.. Для г. Горькаго устраивались въ Петербургѣ литературные вечера, его всюду возили, выставляли, снимали портреты съ него, рекламировали, издавали.. Былъ моментъ, когда отъ г. Горькаго не было проходу, и излишнее усердіе друзей угрожало ему опасностью разсказанной въ Крыловской баснѣ.

Упоеніе Горькимъ со стороны марксистовъ имѣетъ свои, очень вѣскія причины. Этотъ писатель вывелъ на сцену тотъ самый общественный классъ, который долженъ въ концѣ концовъ, въ отдаленномъ, можетъ быть, будущемъ, осуществить мечты марксизма. Г. Горькій вывелъ человѣка, какъ послѣдній продуктъ капиталистическаго строя, вывелъ пролетарія, т.-е. сырого, вышедшаго изъ

природы мужика, обработанного, такъ сказать, азотною кислотою капиталистической эксплуатаціи. Правда, герои г. Горькаго не дисциплинированныя рабочіе фабрикъ, не люди съ твердымъ сознаниемъ своихъ правъ, но все-же это рабочіе,—не деревенскіе мужики. Г. Горькій впервые показалъ огромное и темное сословіе людей, хоть и пьяныхъ и истеричныхъ, но страшно-озлобленныхъ своею долей, людей тоскующихъ, несговорчивыхъ, капризныхъ, выше всего ставящихъ свободу, готовыхъ на вѣчную борьбу съ буржуазнымъ обществомъ и уже ведущихъ эту борьбу. — Поглядите, могутъ сказать марксисты, — поглядите, какъ капиталистическій режимъ перерабатываетъ глупаго сына деревни, какъ онъ стираетъ съ него патриархальную покорность судьбѣ и воловью готовность лѣзть въ ярмо! Что за молодцы эти Макаръ Чудра, Емельянь Пиляй, Артемъ, Пляши-нога, Челкашъ! Съ какимъ презрѣніемъ они говорятъ о деревенскомъ рабствѣ, о рабствѣ земельного труда, и сколько мысли вносятъ въ душу народную. Пролетарій не рабъ, это человѣкъ великаго дѣйствія, хоть и не наступившаго. Надо желать, чтобы весь народъ прошелъ эту страшную школу и воспитался въ ней, окрѣпъ въ свободныхъ инстинктахъ... Пиляй, Челкашъ, пекаръ Коноваловъ, сапожникъ Орловъ — все это продукты капитализма, и послѣдній необходимо развивать, какъ исполинскую машину, перерабатывающую косную массу народную — въ армію вольныхъ рабочихъ, не связанныхъ землей, сознавшихъ свое центральное положеніе въ обществѣ...

Въ такомъ родѣ, мнѣ кажется, должны разсуждать марксисты. Г. Горькій является для нихъ какъ-бы Гомеромъ будущаго, пѣвцомъ героевъ еще не пришедшихъ, но уже выступившихъ въ походъ.

Такъ называемые реакціонеры, романтики крѣпостного строя, въ свою очередь осчастливлены появленіемъ г. Горькаго. — Поглядите, могутъ сказать они: — вотъ къ чему ведетъ нашъ хваленый прогрессъ! Вотъ во что претво-

руется нѣкогда сильный и свѣжій сынъ деревни, освобожденный отъ древнихъ связей, отъ установленій аристократическихъ и религіозныхъ. Поглядите, до какой степени потеряно старинное смиреніе народное, довольство своею судьбой, чувство уваженія къ чему-то высшему. Каждый босякъ г. Горькаго озлобленъ на весь міръ, онъ — будучи варваромъ, невѣжественнымъ и пьянымъ, дышетъ почти байроновскимъ отрицаньемъ. Опасень Геростратъ, но тутъ цѣлая армія геростратовъ, готовыхъ сжечь священный, строившійся вѣками храмъ общестственности... Спасибо г. Горькому, наконецъ-то онъ изобразилъ пролетарія безъ либеральныхъ прикрасъ, во всемъ цинизмѣ этого типа. Вотъ оно пятое сословіе, вотъ онѣ тощія фараоновы коровы, которыя пожрутъ жирныхъ!..

V.

Если всѣ партіи удовлетворены писателемъ, то понятенъ стремительный ростъ его извѣстности. Я увѣренъ, что для самого г. Горькаго его слава является неожиданной и, вѣроятно, стѣснительной. Онъ не можетъ не чувствовать, что во вниманіи къ нему общества слишкомъ много моды, и что его легко можетъ постичь столь-же быстрое забвеніе. Развѣ не забыты не менѣе даровитые беллетристы — Слѣпцовъ, Н. Успенскій, Новодворскій, Кушевскій и др.? Кто читаетъ нынче Рѣшетникова и даже Помяловскаго? Для забвенія въ публикѣ не нужна даже физическая смерть: можно, обладая нѣкоторымъ талантомъ, здравствовать и писать, писать многочисленные романы, но ихъ не будутъ замѣчать. Не станемъ называть именъ,—но развѣ не всѣмъ ясно, что еще дѣйствующіе не старые беллетристы, гг. X., Y., Z..., уже забыты въ публикѣ, хоть еще пишутъ неимоверно много. Они какъ писатели, въ сущности уже умерли. Ихъ читаютъ, можетъ быть, но уже какъ мертвыхъ, отъ нихъ ничего

больше не ждуть, *о нихъ не говорятъ*. Только истиннымъ, большимъ талантамъ удается избѣжать этой смерти живо, удается привязать къ своей душѣ вниманіе толпы невѣрной... Сказать кстати,—даже гениямъ не подъ-силу удерживать во власти своей подъ-рядъ болѣе одного-двухъ поколѣній. Но истинный талантъ, даже забытый, все-же имѣетъ то утѣшеніе, что онъ по природѣ своей независимъ отъ толпы. Современники могутъ быть ему покорны или нѣтъ—онъ найдетъ себѣ читателей въ потомствѣ; если онъ закатывается, какъ солнце, для одной эпохи, то какъ солнце-же, встаетъ для другой. Есть избранники судьбы, отъ времени до времени воскресающіе въ памяти человѣчества, всегда въ прежней свѣжести, доказывая тѣмъ, что вѣчное—всегда современно. Люди, отмѣченные гениемъ, видны въ безграничной дали, какъ свѣтила, и для нихъ забвеніе не страшно. Г. Горькому, пока гениальность его еще спорна, чрезмѣрная слава можетъ принести глубокое разочарованіе. Но—съ одной стороны—не затѣмъ-же даровитый писатель несетъ свое сердце въ міръ, чтобы покичиться имъ, и г. Горькій достаточно искрененъ, чтобы оцѣнить рыночную цѣну «славы»,—съ другой—отъ него вѣдь самого зависитъ остаться достойнымъ «вѣчной памяти», если не всѣхъ, то хоть многихъ избранныхъ... Быть достойнымъ хорошей славы—лучше, чѣмъ обладать ею. Посмотримъ-же, что такое г. Горькій, если судить о немъ спокойно.

Г. Горькій написалъ уже четыре тома,—все почти маленькіе рассказы, но между ними есть одна большая повѣсть «*Ома Гордѣевъ*». Казалось-бы, багажъ достаточный, чтобы судить о творческой состоятельности автора, но сдѣлать рѣшительную оцѣнку ему, мнѣ кажется, еще трудно. Въ прежнее, болѣе строгое время, по первымъ четыремъ томамъ г. Горькаго, пожалуй, сказали бы, что это «еще одинъ даровитый неудачникъ», — теперь этого сказать нельзя. Прежде, талантъ вродѣ г. Горькаго не вышелъ-бы изъ среды народной; съ тѣмъ-же впечатли-

тельнымъ умомъ, съ тою-же жаждой жизни, поэзи, страсти г. Горькій оставался-бы пекаремъ въ какой-нибудь булочной Нижняго или крючникомъ въ Одессѣ. Если-же онъ родился-бы въ семьѣ богатой и просвѣщенной, онъ не написалъ-бы въ такое короткое время четырехъ томовъ,—т.-е. не напечаталъ-бы ихъ, и мы не увидели-бы многихъ безспорно плохихъ вещей («Макаръ Чудра», «Старуха Изергиль», «Ошибка», «Пѣсня о соколѣ», «Ханъ и его сынъ», «Читатель», «О чортѣ», «Еще о чортѣ» и др.). — Остались-бы сжатые на два тома только удачныя вещи, и ихъ было-бы достаточно, чтобы предсказать автору блестящее будущее. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые рассказы г. Горькаго, особенно нѣкоторыя страницы въ нихъ, обнаруживаютъ сильный талантъ, и работай онъ сплошь съ такимъ-же одушевленіемъ и чувствомъ правды, мы имѣли-бы въ немъ первостепеннаго писателя. Въ прежнее время г. Горькій такъ и писалъ-бы; можно было поручиться, что обеспеченность, аристократизмъ вкуса, отвращеніе къ плохой работѣ не позволили-бы автору выпустить ни одной не вполне удачной вещи. Нынче—дѣло другое. Матеріальная нужда, соблазнъ популярности, назойливость издателей, невысокая внутренняя самооцѣнка,—скажемъ грубо—недостатокъ вкуса, который требуетъ особаго воспитанія,—все это толкаетъ молодые таланты къ спѣшной и неразборчивой работѣ. Г. Горькій, повидимому, не исключеніе. Онъ далъ доказательство того, что можетъ писать и хорошо, и плохо, и вотъ это «плохо» можетъ возобладать, заглушить немного прекрасное, на что онъ способенъ. Нашъ авторъ наверху славы—но еще въ началѣ поприща; онъ на распутьи, и именно теперь рѣшается роковой для него вопросъ—выйдетъ изъ него большой писатель или нѣтъ. вмѣсто чрезмѣрныхъ, прямо нелѣпыхъ похвалъ, вмѣсто ожесточенной брани, невыяснившееся крупное дарованіе г. Горькаго нуждается въ тепломъ къ нему участіи, въ критикѣ строгой, но благожелательной. Писательскій талантъ, какъ и всякій,